

Когда соборы были белыми. Путешествие в край нерешительных людей

Автор:

[Ле Корбюзье](#)

Когда соборы были белыми. Путешествие в край нерешительных людей

Ле Корбюзье

Книга выдающегося архитектора XX века Ле Корбюзье (1887–1965), впервые опубликованная в 1937 году, объединяет в себе документально-художественное повествование о первом посещении автором Америки и размышления о судьбах зодчества в эру технологического прогресса и урбанизма.

Ле Корбюзье

Когда соборы были белыми

Путешествие в край нерешительных людей

Предисловие Жана-Луи Коэна

Le Corbusier

QUAND LES CATHEDRALES ETAIENT BLANCHES

VOYAGE AU PAYS DES TIMIDES

PREFACE DE JEAN-LOUIS COHEN

Bartillat

Данное издание осуществлено в рамках совместной издательской программы Музея современного искусства «Гараж» и ООО «Ад Маргинем Пресс»

Published by arrangement with Lester Literary Agency

© Editions BARTILLAT – Paris, 1937, 2012

© Брусовани М., перевод, 2018

© Соколинская А., перевод предисловия, 2018

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2018

© Фонд развития и поддержки искусства «АЙРИС» / IRIS Foundation, 2018

* * *

Ле Корбюзье в период поездки в США

Американские приключения Ле Корбюзье

Ле Корбюзье впервые почувствовал жгучий интерес к США еще за полвека до торжественного открытия в 1962 году своего американского детища – Карпентер-центра при Гарвардском университете. В книге «К архитектуре», принесшей ему в 1923 году планетарную славу, он превозносит заслуги американских инженеров и высмеивает эклектичные купола их коллег-

архитекторов. Еще в 1914 году он признается своему наставнику Огюсту Перре в желании увидеть «безумные строения Нового света».

Однако ему приходится дожидаться 1935 года, чтобы собственными глазами взглянуть на США, куда он прибывает по инициативе Музея современного искусства – прочитать курс лекций в связи с проведением в Нью-Йорке одной из первых архитектурных выставок. Едва сойдя с лайнера «Нормандия», он настраивает против себя журналистов и не перестает изумлять общественное мнение, в частности заявив New York Times, что «небоскребы недостаточно высоки».

Французским читателям он рассказывает о поездке в вышедшей в 1937 году книге с загадочным названием «Когда соборы были белыми: путешествие в край нерешительных людей». В ней он дает отповедь критикам Нью-Йорка, недооценивающим «грубое и дикое зрелище», истинно «феерическую катастрофу» и такое кредо, как «Я – американец». Ле Корбюзье надеется встретить в Америке «молодой и крепкий народ-атлет», но сожалеет, что «американский урбанизм в своей гигантомании проявляет губительную робость именно тогда, когда надо реагировать и правильно действовать». Очарованный атлетами Принстона и «девушками в цвету» женского колледжа Вассар, он негодует, что доктор Барнс не позволяет ему полюбоваться своей коллекцией картин в Мерионе, пленяет аудитории десятка университетов и мимоходом утешает себя несколькими неделями на Лонг-Айленде в обществе Маргерит Чейдер Харрис [1 - Tjader Harris, Marguerite (1898/99–1978) – американская писательница и издатель. – Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, приводятся примечания переводчика.], юной американки, для которой он проектировал дом в Швейцарии.

Так и не получив ни одного гигантского заказа, с помощью которого он рассчитывал «сотообразно перестроить» Манхэттен, возведя там большие дома, утопающие в зелени, он вынужден ждать целых десять лет, прежде чем вернуться в США, чтобы ознакомиться со Строительными программами руководства долины реки Теннесси – органа, созданного по особому распоряжению президента Рузвельта. Позднее его привлекают к чрезвычайно ответственному начинанию – возведению штаб-квартиры ООН в Нью-Йорке. Вместе с командой архитекторов из разных стран он трудится долгие месяцы, выбирая для здания подходящее место, затем вместе с молодым бразильцем Оскаром Нимейером создает эскиз, сочетая башню секретариата в виде пластины и приземистый блок с залами заседаний. Руководит строительством

Уоллес Харрисон, доверенное лицо Джона Д. Рокфеллера, подарившего ООН участок земли возле Ист-Ривер. Ле Корбюзье не перестает упрекать Харрисона в том, что он присвоил и извратил его проект, чувствует себя «обобраным как липка». Он напишет матери Мари Шарлотт Амели, с которой регулярно обменивается письмами, что «край нерешительных людей мстит, выступает единым фронтом и хочет властвовать над миром», страдая «комплексом превосходства».

Можно сказать, что отношения Ле Корбюзье с США отравлены горечью – в 1953–1955 годах он даже умудряется похоронить идею большой выставки своего творчества, которую хочет устроить Музей современного искусства, уговаривая Джеймса Суини, директора нового музея Гуггенхайма, отдать один из залов под его живопись – несправедливо, что в «самом передовом в мире музее» нет ни единой его картины. Его единственная постройка в Северной Америке – непосредственный заказ Гарвардского университета, сделанный с подачи каталонского архитектора Жузепа Луиса Серта. Хотя и разочарованный «таким маленьким заказом от такой большой страны», он в 1960 году берется за дело и создает не столько отдельное здание, сколько помещение, удачно вписывающееся в систему дворов и улочек кампуса.

Наконец комплекс построен, и Карпентер-центр визуального искусства занимает свое место в сети пешеходных дорожек, пересекающих университет. Возведенный вокруг рампы, которая соединяет две улочки кампуса, центр предлагает совершить захватывающую архитектурную прогулку. Его «грубые, но гладкие» бетонные фасады принципиально отличаются от шероховатых послевоенных строений. Пусть Америка и принесла Ле Корбюзье цепочку разочарований, его творчество существенно повлияло на американскую архитектуру. Невзирая на завистливые нападки Фрэнка Ллойда Райта и язвительную критику некоторых социологов, эскизы и здания французского зодчего вдохновили целый ряд проектировщиков, а университеты даже разработали специальные методы для изучения его идей и сооружений – определенно, именно в них «нерешительные люди» почерпнули мужество, стремясь ответить на вызовы машинной эпохи.

Жан-Луи Коэн,

историк архитектуры,

профессор Института изящных искусств при Нью-Йоркском университете

МОЕЙ МАТЕРИ,

отважной и истинно

верующей женщине

Предисловие к американскому изданию

Войдя в Европу, армия США обнаружила разоренные пятью годами войны территории, народы, города и села. Всё было опустошено и разграблено, повсюду покрытые пылью и изъеденные ржавчиной развалины, пустые глазницы окон и натянутые нервы, истерзанные тела и израненные души. Американские летчики бомбили всё подряд, взрывая мосты, вокзалы, железные дороги, заводы, порты. Не было самых элементарных вещей: воска, чтобы натирать полы, льняного масла, чтобы красить стены комнат и домов, мыла. Лица людей в парижском метро, четыре года назад ставшем единственным транспортом пятимиллионного города, были изнуренными от лишений. Позже стало известно, что в Париже немцы расстреляли семьдесят пять тысяч мужчин и женщин, предварительно подвергнув их пыткам.

В день Освобождения через предместье Парижа Булонь-сюр-Сен, где я тогда находился, прошли подразделения армии США и танковый корпус генерала Леклерка. Невероятное время, смятение чувств, из глаз катятся слезы. Поразительное зрелище: эти люди, сыны Америки, на мощных машинах, эти мальчишки, только что разбившие неприятеля. Совсем рядом с ними пришедшие из Чада солдаты Леклерка. Они пересекли Сахару и уже назавтра, не останавливаясь, двинутся на резиденцию Гитлера, Берхтесгаден. На их лицах лежал отпечаток двухтысячелетней привычки сражаться. Сверкающие улыбками и радостью женщины предместья, да и все остальные парижанки, прихорошились, чтобы встретить освободителей. Они были неподражаемы! Не имея тканей, чтобы сшить новые платья, и средств, чтобы выглядеть элегантно, эти женщины совершили настоящий подвиг, постаравшись назло оккупантам быть особенно привлекательными. Шляпок у них не было, и из своих волос они

соорудили золотые, бронзовые или эбеновые шлемы – воинственные головные уборы, сделавшие их восхитительными и сияющими. В туман, весной или в летнюю жару эти кентаврессы сновали на велосипедах по Парижу, и ветерок овеивал их ноги, волосы, лица, груди. Они пронеслись прямо под носом у затянутых для своих чудовищных целей в унылую горчично-зеленую форму немецких солдат...

А теперь они карабкались на американские танки, усаживались на стволы орудий, на орудийные башни рядом с солдатами, водителями. Они целовали американцев, оставляя следы губной помады на их запыленных лицах. Увы, освободители смотрели на них, как на шлюх!

Ребятня, разумеется, тоже оказалась на орудиях, на крышах танков, на коленях у солдат. Многие клячили сигареты. Кое-кто слишком усердствовал. Американцы решили, что французы попрошайки! А ведь те уже четыре года курили по две-три пачки сигарет в месяц, что гораздо мучительней, чем вообще не курить. Будь власти порешительней, они уничтожили бы табак, и после пары трудных месяцев это просто-напросто освободило бы каждого от назойливого желания.

Ах, американцы, солдаты США, внезапно высадившиеся на изнуренные морально и физически земли, где любой продукт уже давно стал эрзацем и выдавался по карточкам. Ослабевшая и обнищавшая морально и физически Европа – великая родина ваших отцов – не имея возможности достойно ответить вам, привыкшим к неслыханному изобилию, к ошеломляющему расточительству, показалась вам грязной и оборванной. Встречая вас, она обезумела от радости – а вы сочли ее непристойной!

У вас в США сильные и богатые города. Нью-Йорк – это обиталище какого-то божества современной жизни: возможно, у этого божества еще нет имени. Ваши деревни выкрашены белой краской или даже в яркие цвета. Они не огорожены крепкими стенами: от одного дома к другому под ухоженными деревьями роскошным ковром расстилается газон.

Вы пришли в изумление, в возмущение: «Так это и есть Париж, так это и есть Европа?»

В тот же самый день освобождения, с Юга, навстречу кортежу Шарля де Голля, наступая на пятки неприятеля, двигались по Елисейским полям танки генерала Леклерка. Ваши танки, предоставленные нашей армии. По бокам их украшали надписи большими белыми буквами – названия французских провинций: Бретань, Прованс, Фландрия; имена великих французов: Верцингеторикс, Баярд [2 - Пьер Террайль де Баярд (франц. Pierre Terrail, seigneur de Bayard – Пьер Террай, сеньор де Байяр; 1473–1524) – французский рыцарь и полководец времен Итальянских войн, прозванный «рыцарем без страха и упрека» (Le Chevalier sans peur et sans reproche), подобно герою Столетней войны Арно Гийому де Барбазану (1360–1431).], Жанна д’Арк, Лафайет; перечисления французских достоинств: отвага, доблесть, преданность.

Господа Военачальники, вы правильно поступили, утвердив таким образом вечные ценности, когда торопливо прошествовали перед Аркой и обозначили передачу голодранцам столь великолепного военного снаряжения; вы правильно сделали, организовав этот парад перед Триумфальной аркой, где находится могила неизвестного солдата. Этот памятник, представляющий собой лишь пламя и надпись, сделанную прямо на земле, по величию равен перенесенному французами невыносимому испытанию. Когда придет время упомянуть в этой книге Белые соборы, чтобы свидетельствовать в пользу современности, этот монумент займет свое место вне конкуренции: он выражает дух. Кто его изобрел? Кто предложил? Я не знаю; мы не знаем; думаю даже, что никто (или почти никто) до сих пор этого не знает.

Некоторые из вас, американские друзья, надолго оставшиеся во Франции, сделались плотью от ее плоти. Они постучались в разные двери и обнаружили за ними людей без прикрас, которые сорок, или тридцать, или двадцать лет силились принести дух в мир, заставить проклюнуться росток нынешних перемен: художников, великих художников, которые в тысячелетнем гумусе Парижа взрастили великое преобразование, способное сделать лучезарным завтрашний день.

Некоторые из вас пришли к этим людям как преданные друзья, другие – как собиратели автографов.

Власти (и ваши, и наши), осознавая необходимость познакомиться поближе, обменялись улыбками и любезностями. Американских студентов отправили во Францию, а французских – в Америку. Интеллектуальный обмен. Что ими двигало? Бог или дьявол? Жизнь или Академия? Я знаком с американскими

студентами, художниками и архитекторами, которых наши власти поместили в крупные университеты. Они говорили мне: «Мы сходили туда разок, и этого нам хватило!». Но время, счастливо проведенное ими в других местах Великого Города, принесет свои плоды!

Академия или жизнь, that is the question [3 - That is the question (англ.) – вот в чем вопрос (цитата из монолога Гамлета в пьесе Шекспира).]! Это и по сию пору остается вопросом, как в США, так и во Франции и во всем мире.

Жизнь созидает и разрушает; она рождает индийские храмы, а также лианы, которые камень за камнем уничтожат произведение, если человек постепенно ослабит свою бдительность и перестанет приглядывать за ним.

Жизнь создала Нью-Йорк, неспящий город. И мы приветствовали ликование жизни в этом городе.

Небоскребы высокие. Высота здесь является прямым следствием применения логарифмической линейки, финансовых выкладок и рекламы. Между землей и верхушкой небоскреба называемой (Top of the Rock[4 - Top of the Rock (англ.) – вершина горы.]), дух и не ночевал, только цифры. Именно на top следует смотреть, в нем искать замысел, по нему судить о том, что есть духовная реальность этой затеи. Top – это пробка графинчика, о котором позаботились архитектура и архитекторы. Я, например, вижу перед собой, в небесной вышине, три. Одна повторяет замок Блуа, что в Турени; другая взяла за образец часовню Сент-Шапель в Париже; у третьей кровля, верхние этажи и основания каминных труб, как в Фонтенбло. Ай-ай-ай! Как бы этот дух, злоупотребив высотой, деньгами и рекламой не вознамерился распоряжаться духовной будущностью США!

По воскресеньям город умирает, улицы пусты, а здания лишены своего смысла (кроме Рокфеллер-центра и других, где обитает архитектура). Воскресенья – поразительный пробный камень, способный за двадцать четыре часа обрушить этот великолепный город, до сих пор в основе своей остающийся Вавилонской башней.

Вне его, наоборот, из Гарлема или с Бродвея, в барах, где жизнь ищет себе пищу, с помощью проигрывателей или дешевых музыкальных автоматов, nickelodiums, весело идет на штурм джаз.

Господа жители Соединенных Штатов, вы – американцы, а американцы могут иметь любую национальность мира; и этот мир может стать новым миром, венчающим Новый Свет.

* * *

Издатели, собиравшиеся в 1937 году опубликовать книгу «Когда соборы были белыми», первым американским переводом которой я обязан мастерской и вдумчивой работе Маргерит Чейдер Харрис, все как один потребовали сокращения первых ста страниц, посвященных Франции. Потом ваши войска побывали у нас, и в этом новом переводе сто первых страниц, разумеется, сохранятся. Вы обнаружите в них, между строчками, предвестники поражения. В них существовала угроза: они содержали смертоносные микробы; некую опасность.

Сейчас, весной 1946 года, парижане полны жизненных сил – они в их сердцах и умах. Ведь не думаете же вы, что подобное испытание может сломить такую страну, как наша? Ведутся подсчеты; открыта дискуссия о цели жизни. Тяжкое испытание сыграло роль неудержимого бродила: сердца и умы перенесли все невзгоды, почерпнув в них силы, и, поскольку дух достиг самого дна, теперь горячая воля устремилась ввысь.

Только что Франция за шесть лет прошла полный круг испытаний и теперь готова делать выбор, высказывать свое мнение, принимать решения.

* * *

Когда я впервые получил от Музея современного искусства [5 - МоМА – Музей современного искусства (Museum of Modern Art) в Нью-Йорке.] приглашение в США, на меня смотрели как на человека, создавшего «машину для жилья» и заявившего, что нью-йоркские «небоскребы слишком малы». Это вызывало недовольство, обиды.

Прошло десять лет. Недоразумение рассеивается; кажется, взаимопонимание возможно; наше состояние напоминает момент, когда в одной части шлюза поднимается вода: ее высота с обеих сторон уравнивается, затворы открываются, суда проходят – идеи распространяются.

Американский потенциал, накопленный в течение века и извлекаящий выгоду из двух войн, это огромное событие, выходящее за нынешние пределы контроля, как морального, так и материального, требующий гигантской революции в мировом процессе, подобно тому, как на другом конце света, в СССР, потенциал такой же силы, но иной направленности, вызвал череду событий, последствия которых непредсказуемы. Ни та ни другая из этих сил пока не проявляют прозорливости; они просто находятся в движении, готовятся к действию. И в своем движении они допускают и еще будут допускать неумеренность, также как они дают и будут давать все поводы надеяться и все доказательства своей результативности. И всё же они бушуют, из-за отсутствия урегулирования вызывая парадоксальные результаты, специфические болезни, опасные волнения.

Таков, например, отвратительный подарок неограниченных возможностей перемещения людей и идей: подвижность, которая, действительно, становится болезнью. И у этой болезни есть название: м-о-б-и-л-ь-н-о-с-т-ь, «мобильность».

Всё здесь движется; всё разъезжает четырьмя способами: по воде, по суше, по железной дороге и по воздуху. Моторы рокочут; все люди на колесах; колеса у них под задом, и таким образом они преступают закон природы – человеческой природы, в высшей степени последовательной и немонотонной. Ей свойственны многие ритмы: ходьба, биение сердца, пульсация артерий и трепет век, дыхание и речь; и так далее... Для здравомыслящего наблюдателя конец пути скоро становится очевиден: цикл жизненных операций не совершается, или совершается не полностью, или со страданием и ущербом, с недопустимой ежедневной отсрочкой. Вот судья, вот пробный камень: повседневность. И вот вердикт: неполнота, нехватка, вредоносность вписаны в солнечные сутки, они возникают вновь и вновь, делают неполноценным каждый прожитый день и, следовательно, всю жизнь человека. Это влечет за собой распад семьи, алкоголизм.

Проблема поставлена не перед страной, которая не соблюдает осторожность, а перед провидцами: как жить? Именно в этом и состоит бином «личность – общность», требующий результативной, то есть совершенной, слаженности. Необходимо укрепить границы свободы, хотя укрепить одни, похоже, означает стереть другие, а это не одно и то же. Свободы одних как совокупность нескольких принципов становятся предметом рассмотрения, обсуждения. Действительно, повсюду в американской жизни беспорядок проявился в том, что я в 1935 году назвал Великим расточительством, Great Waste. Слово waste можно

перевести еще как «опустошение». Применительно к продукту общественной жизни опустошение – это катастрофа, шаг к смерти. Сегодня – и в Америке особенно – современное рабство, выражающееся в четырех часах ежедневной работы, вырванных у каждого, чтобы оплатить расходы на это градостроительное злоключение, «умение жить», на самом деле представляет вопрос, повсеместно, во всем мире, стоящий перед современным обществом. Вопрос наивный, который можно было бы считать детским. Как жить? А вы, читатель, знаете? Умеете ли вы жить здорово, уверенно, радостно, быть свободным от тысячи нелепостей, навязанных привычкой, вежливостью и правилами городской жизни, которые нынче в ходу?

Если моей книге суждено было десять лет ждать своего американского издателя, мне стоило бы поздравить себя с этим, потому что, вернувшись из США в 1936 году, я рассудил, что следует придумать определение, которое могло бы стать законом, Скрижалью. И вот, в 1937 году, в самом центре Павильона Новейшего времени на Всемирной выставке, проходившей в Париже под девизом «Искусство и Техника в современной жизни», на столе с большой открытой книгой, символизирующей Афинскую хартию [6 - Градостроительный манифест, составленный Ле Корбюзье и принятый Международным конгрессом современной архитектуры (CIAM) в Афинах в 1933 году.], я вывел такое определение:

«Вот мера нашего городского строительства». Если я как человек, обладающий чувством и разумом, как инженер, как специалист смог внести что-то в развитие машинной цивилизации, то именно это определение.

Если я могу быть в чем-то полезен в США, то именно представив это определение на обдумывание тем, чье предназначение – отчетливо понимать и направлять. Я предлагаю свое определение как измерительный инструмент, способный придать верные направления новым производствам «перепрофилированной» военной промышленности: положение общества со всеми его правами и обязанностями восстановлено. Я знаю, что здесь я коснулся главной темы, темы современности: ОБИТАТЬ, умение жить. Обитать – это жить, уметь жить! Распоряжаться дарами Создателя: солнцем и разумом, данными людям для получения радости жизни и обретения потерянного рая.

К кому обращено подобное скрытое приглашение? Кого касается? Кто имеет право..? Вот в чем польза книг: они знают, кого касается. И вслед за академиками в один прекрасный день молодежь всего мира выскажет свое суждение!

Градостроительство (градостроительство и архитектура, неотделимые друг от друга – уникальное явление) есть в полном смысле слова общественный управляющий.

В 1935 году были начаты работы по созданию Управления ресурсами бассейна Теннесси, TVA. В январе нынешнего 1946 года я отправился взглянуть, что получилось. Человек и природа, законы природы и расчеты, выражающие, впрочем, мировые законы, человеческое воображение в поисках гармонии. Пренебрежение вызвало в этой долине катастрофы космического масштаба. Дело шло к худшему. Но человек совладал со стихией, и ее ярость в конце концов утихла; она опять стала матерью-природой. Вода совершила свои восстановительные чудеса; люди обрели изобилие и обещание радости. А также право гордиться тем, что, обуздав природу, создали мощные плотины и дамбы – свидетельство физического и духовного величия.

Десяти лет хватило на усмирение враждебных сил и скрепление союза человека и его среды.

Эти строки я пишу из Нью-Йорка, куда за двадцать часов добрался из Парижа. В темно-синем океане я с высоты палубы иногда видел гигантский айсберг, свидетеля физических процессов и часть регулярного цикла.

Человек, природа, космос суть данность.

Однажды (сто лет назад) человек сменил тысячелетний темп пешего передвижения на беспредельные скорости. Всё было поставлено под сомнение. Границы контроля были прорваны, растянуты, почти стерты; но невозмутимое солнце своим циклом продолжало регулировать ритм наших работ. Сегодня оно нас обвиняет в беспорядке, в непредусмотрительности, пренебрежении, невнимании; худшее отсутствие чувства меры стало тому результатом, и беда.

В январе этого года я на пустом грузовом судне через штормовой океан за девятнадцать дней прибыл сюда, чтобы сделать кое-что вместе с Клодиусом[7 - Клодиус-Пети, Эжен (1907–1989) – французский политик, одно время министр реконструкции и градостроения.]. Едва ступив на землю Манхэттена, мы, прошедшие годы скорби, раскаяния, ограничений и лишений, испытали страшный шок: мы лицом к лицу столкнулись с людьми, которые не в состоянии постичь пережитой опыт. Наш – печальный, – и собственный опыт непомерного изобилия. Выходит, привезенный нами товар не может быть принят в зачет перенесенной нами нужды; он может быть лишь плодотворным, ясным, толковым изобретением, посланником наших предложений на будущее – будущее умеренности машинного общества в поисках своего утраченного счастья. Да, утраченного, но оно может быть обретено, найдено нами в будущем, в ближайшем завтра. И вот что говорит география: две руки и два кулака мира, США и СССР; в его географическом и историческом сердце: Париж, столица вполне земной Франции, глаз (на карте) объединенной Европы. Теперь от этого третьего путешествия у меня появилось впечатление и уверенность, что земля круглая и сплошная (непрерывная), и всё стыкуется... Установится и возобладает сплоченность.

Так что мы, французы, у которых были соборы и Людовик Четырнадцатый, можем восхищаться едва зарождающимся чудесным творением американского народа. Почтительно снимаю шляпу. На каждом шагу, днем и ночью, в этом Нью-Йорке – волшебная развязка – я нахожу повод для размышления, для построения гипотез, для мечтаний о завтрашнем дне, невероятном, утешительном, счастливом. В мире есть надежда. Этот край нерешительных людей дает нам ее полными горстями.

Я являюсь членом комиссии, которой поручено найти в окрестностях Нью-Йорка место для постоянной резиденции Организации Объединенных Наций. Цель ООН в достижении согласия. В достижении согласия путем обеспечения эффективности (или результативности) в уважении к человеческой личности; более того, в возможности приносить людям радость жизни урбанизмом – слово, сегодня ставшее ключевым, решающим.

Никто пока еще не знает точно, что подобное утверждение можно принять, и еще менее, что оно представляет собой способ, с помощью которого люди машинной цивилизации, достигшей второго периода своего развития, поначалу проявив себя бандитами или безумцами, наведут порядок в своем доме.

Ле Корбюзье

Нью-Йорк

21 мая 1946

К читателю

Мир в смятении, потому и книга полна смятения.

В летний полдень под неописуемо голубым небом Парижа я на полной скорости мчусь по набережным левого берега в сторону Эйфелевой башни. Мой глаз замечает вторую белую точку в лазури: новую колокольню церкви Шайо. Я притормаживаю, всматриваюсь в нее и мгновенно погружаюсь вглубь времен: да, соборы были белыми, совершенно белыми, ослепительными и юными – а не черными, грязными, старыми. Вся та эпоха была свежей и юной.

...И сегодня, ну да! Сегодняшний день тоже юн, свеж, нов. Сегодня мир опять начинается снова...

Я вернулся из США. Ну что же! На примере США я докажу, что настали новые времена, но дом стал непригоден для жизни. После еды не убрали со стола; после банкета гости разъехались, но остался беспорядок: застывшие соусы, объедки, пролитое вино, крошки и валяющиеся тут и там грязные приборы.

Соборы принадлежат Франции, а Манхэттен – Америке.

Какая прекрасная возможность посмотреть этот юный, будто двадцатилетний, город, подспудно сосредоточившись на небоскребах Господних. Это новое место

мира, Нью-Йорк, исследованный с сердцем, полным средневековьем? Сегодня нам предстоит привести мир в порядок, прибраться среди развалин, так мы уже однажды поступили, с развалинами античности, когда соборы были белыми.

Однако прежде чем отворить окно в этот пейзаж времени, я попрошу вас глотнуть этого душного воздуха, в котором мы барахтаемся. Страницы, касающиеся США, будут в основном не повествованием, а постоянной фиксацией реакции человека, лишенного надежды на эпоху силы и гармонии. Словом, сегодня мы переворачиваем страницу мировой истории.

Часть первая

Атмосфера

I

Величие творений

Когда соборы были белыми

Я бы хотел подвергнуть испытанию совести и раскаяния тех, кто, со всей беспощадностью своей ненависти, своего страха, с убогостью своего сознания и отсутствием жизненной энергии, с пагубной настойчивостью стремится уничтожить или оспорить всё, что есть самого прекрасного в этой стране, во Франции, и в этой эпохе: изобретательность, усердие и созидательный дух,

особенно в том, что связано с вопросами строительства, – в том, где сосуществуют рассудок и поэзия, где вступают в союз мудрость и предприимчивость.

Когда соборы были белыми, Европа наладила ремесла по властному запросу совершенно новой, невероятной, безумно смелой технологии, применение которой вело к неожиданным комбинациям форм – а именно к формам, дух которых пренебрегал наследием тысячелетних традиций, решительно бросая цивилизацию в неведомое будущее. Повсюду, где находилась белая раса, господствовал международный язык, способствуя обмену идеями и распространению культуры. С Запада на Восток и с Севера на Юг распространился международный стиль – стиль, который вызвал мощный поток духовных наслаждений: любовь к искусству, бескорыстие, радость созидательной жизни.

Соборы были белыми, потому что они были новыми. Города были новыми; их строили на пустом месте, методично, регулярными, геометрическими, по планам. Свежий строительный камень Франции сверкал белизной, подобно тому, как некогда поблескивали полированным гранитом египетские пирамиды. Над всеми городами или поселениями, обнесенными новенькими стенами возвышался на местности небоскреб Господень. Его сделали таким высоким, каким только смогли, исключительно высоким. Казалось, в ансамбле это представляет несоразмерность. Но нет, то был акт оптимизма, проявление отваги, знак гордости, доказательство мастерства! Обращаясь к Богу, люди не расписывались в своем отречении.

Начинался новый мир. Белый, ясный, радостный, чистый, цельный и безвозвратный. Новый мир раскрывался, словно цветок на руинах. Мы отказались от всего, что было признанными правилами; мы повернулись к ним спиной. В течение ста лет свершилось чудо и Европа изменилась.

Соборы были белыми.

Вообразим себе это исполненное ликования зрелище. Прекратим на мгновение чтение этих строк и представим белые соборы на синем или сером фоне неба. Пусть эта картина войдет в наше сердце. А после мы сможем продолжить наши размышления.

Я не хочу доказать ничего другого, кроме большого сходства той прошедшей эпохи и настоящего времени. Наши соборы – нами – еще не возведены. Эти соборы не наши – они принадлежат мертвым – они почернели от копоти и изъедены веками. Всё почернело от копоти и изъедено эрозией: законы, образование, города, фермы, наши жизни, наши сердца, наши мысли. Зато всё ново и свежо в возможностях, в зарождении мира. Взгляд, отвернувшийся от мертвых вещей, уже направлен вперед. Ветер меняется; зимний ветер оттеснен весенним; небо еще темно от грозových туч; но их уже уносит.

Этим глазам, которые видят, этим людям, которые знают и умеют, надо позволить строить новый мир. Когда первые белые соборы нового мира будут возведены, мы увидим, мы узнаем, что это правда, что мир начался. С каким восторгом, воодушевлением, облегчением произойдет крутой поворот! Опасливый мир для начала требует доказательства.

Доказательства? Доказательство – в этой стране – в том, что некогда соборы были белыми.

Когда соборы были белыми, участие (во всем) было единодушным. Священнодействовали не отдельные группки; выходил целый народ, вся страна. В соборах, на свежеструганных импровизированных подмостках, разворачивалось театральное действие; там пробирали священников и власть имущих: зрелый и свободный народ заполнял белоснежный снаружи и изнутри собор; совершенно белый «дом народа», где говорили о таинствах, о нравственности, о религии, гражданском долге или крамоле. То была большая свобода освобожденного духа. Искусство повсеместно выражало изобилие идей и характеров – природу, грубость, эротизм, фривольность, смятение духа перед космосом, побоищами, убийствами и войнами, сердечные излияния Богу, самого Бога, мистические идеи. Не было еще Академии, чтобы поучать. Люди были непосредственными, вольными и прямодушными.

Во Дворе Чудес[8 - Двор Чудес – в Средние века несколько кварталов в Париже, населенных нищими, ворами, публичными женщинами и поэтами.] – как сегодня в Бельвиле или на улице Гренель[9 - В первые десятилетия XX века там селились иммигранты.] – в архиепископстве или у принца изобретали слова для нового языка. Создавали французский язык. Новые слова выражали новое общество.

В глухо гудящие Средние века, которые ошибочно представляются нам как эпоха варварства с неиссякаемыми потоками крови, принято было

руководствоваться герметическими принципами Пифагора; мы повсюду ощущаем пылкие поиски законов гармонии. Люди решительно повернулись спиной к «древности», к застывшим образцам Византии; но вновь страстно устремились на завоевание неизбежного направления человеческой судьбы: гармонии, Закона чисел. Люди Средневековья передавали его между собою после обмена тайными знаками, на ухо, и только посвященным[10 - Книга в те времена еще по большому счету не существовала. Эти законы гармонии сложны и тонки. Чтобы понять их смысл, необходимо иметь чувствительную душу. Говорить о них открыто? Это означает подвергнуть их риску фактических ошибок и непонимания; спустя три поколения они станут нелепыми, а творения, созданные по их законам, искривятся. Они могут быть только точными, абсолютно точными. С того дня, когда книга появилась на свет, эти правила могут быть вписаны в нее: безупречные, верные и ясные, на двух страницах. С тех пор как книга превратилась в один из самых драгоценных инструментов познания, тайна законов гармонии не имеет права на существование. – Примеч. авт.].

Башня Сен-Жак в Париже представляет собой гигантскую головоломку, построенную на Кабале. Какая неисчерпаемая тема для изучения тому, кто рискнет за это взяться! Вспомните для контраста нелепость возведенного в 1900 году Большого дворца, в котором многие академики могли, не считаясь со временем, масштабно выразить свои мысли!

Париж стал светочем мира. Общество формировалось, разделялось на классы, устанавливало свой неограниченный статус, освобождалось, строилось материально и духовно. Далеко продвинулся универсализм благодаря искусствам и философии, а главное – с помощью деятельной силы нации, которая вся, целиком, снялась с места и пустилась в путь, не оглядываясь назад, по-юношески совершая каждодневные созидательные усилия.

Соборы были белыми, мысль – ясной, разум – живым, зрелище – правильным.

С двадцать пятого по двадцать восьмое июля 1934 года Лига Наций, представленная своим Институтом интеллектуального сотрудничества, провела во дворце Дожей в Венеции трехдневную конференцию «Современные искусства и современная действительность. Искусство и Государство». От Франции присутствовало довольно большое количество делегатов (как могло случиться, что я оказался среди них?). Я подскочил – да еще как! – в тот момент, когда один легкомысленный художник, желая уточнить, в чем именно будет проявляться

искусство и в чем наша эпоха (современная эпоха) обанкротится (окажется несостоятельной), потому что она неохотно покупает картины в рамках и украшает дома скульптурами, завершил свой доклад следующим озарением: «Устав от своей аккуратной цивилизации, американцы придут к тому, что полюбят во Франции очаровательный колченогий столик!»

Ведите подобные разговоры – да и какие угодно – за аперитивом в «Дё Маго»; но в 1934 году, перед международным собранием, не стоит таким образом выражать дух Франции!

Правда, что эта ассамблея была встречей историков Искусства – того, что завершилось. Однако Лига Наций искала линию поведения, чтобы прояснить тенденции развития современного общества...

Превосходство «колченогого столика»! Не стоило предпринимать путешествие в Венецию, чтобы превратить Дворец Дожей в психушку!

Я позволил себе вмешаться и взять в свидетели Венецию – этот город, который благодаря своему зеркалу воды представляет собой самый неопровержимый инструментарий, самую четкую совокупность свойств, самую неопровержимую истину. Это город, который в своей единственной в мире целостности еще в 1934 году (из-за зеркала воды) представляет собой цельную, нетронутую картину согласованных, подчиненных определенным законам деяний общества.

Я прекрасно знаю, что в тот день, когда в Венеции был построен поразительный действующий механизм, пришли «мастера своего дела». Но всё уже было налажено, внедрено в среду с помощью согласованных действий.

С этого момента ее художники (Возрождение) определили меру «оторванности от почвы». Они ставятся выше всего прочего. А ведь их-то как раз комментаторы предложили нам изучать, а ученые педанты навязали школам. На них жизнь заканчивается; зачастую это ярмарка тщеславия – секта, почитающая себя выше общества.

Но мы, те, кто напряженно живет настоящей эпохой современности, сломали рамки этого ограниченного и убогого любопытства. Мы распространили нашу «доброжелательность» на всю землю и все времена. Мы вновь обрели жизнь и ось всех человеческих восторгов и тревог; мы не склонны возводить постаменты

и водружать на них «великие» деяния в ущерб прочим делам человеческим. Мы пребываем в повседневной реальности, перед лицом самой совести.

Мы апеллируем к реальности вещей, которые составляют жизнь всех и каждого.

Во всей деятельной массе мы совершаем преобразование качественных способностей, которые некая секта пыталась присвоить себе в течение долгих веков упадка, а главное, в эти последние пятьдесят лет.

Творчество нуждается в соучастии, сопричастности всех, в порядке, а не беспорядке, подчинении определенной иерархии, а не в денатурализации доктринами мастерства. Если Венеция по сей день представляет собой безупречное доказательство коллективной жизни, то мы, французы, видим перед собой образ тех времен, когда соборы были белыми.

Жизнь проявляется повсюду: вне мастерских, где «делают» искусство, вне кружков, где о нем говорят, вне текстов, где изолируют, локализуют и разлагают «дух качества».

Кризиса жизни нет.

Только кризис одной корпорации: производителей, «деятелей» искусства.

По всему миру художники напряженно, бесчисленно, безгранично творят. Ежедневно, ежечасно Земля видит появление сокровищ, представляющих собой подлинное изображение сущей красоты. Возможно, мимолетной. Завтра расцветут новые истины и новая красота. И послезавтра тоже, и так далее.

Так что жизнь полна, наполнена. Жизнь прекрасна! У нас нет – не так ли? – ни намерения, ни дерзости определять судьбу будущих вечных вещей. Всё ежечасно представляет собой творение настоящего времени.

Настоящее время созидательно, изобретательно, ему присуща неслыханная напряженность.

Началась великая эпоха.

Новая эпоха.

Уже заявившая о себе в бесчисленных индивидуальных и коллективных творениях, которые составляют единое целое почти со всей совокупностью современных произведений, появившихся из мастерских, промышленных предприятий, заводов, умов инженеров, художников – предметов, законов, проектов, замыслов – машинная цивилизация развивается!

Новые времена!

Это ощущалось повсеместно вот уже в течение семи веков, с тех пор как началось зарождение нового мира, когда соборы были белыми!

II

Упадок духа

1

Краткий обзор ежедневной газеты

Однажды утром в конце января, когда я проснулся с тягостным ощущением ничтожности того, из чего, как будто, состоит жизнь, мне открылась пленительная роскошь прекрасного сегодня, до краев наполненного бодрящими событиями. На каждой странице моей газеты проявлялась жизнь; каждый заголовок рисовал в воображении картину свободного пути к синтезу современных побед. Этот краткий обзор газеты, подумал я, представляет собой удивительную песнь надежды. Каждый день приносит свой урожай. Можно только сожалеть, что мы не видим и не знаем этого; что мы слепы, потому что не замечаем в каждом утре обещание новых времен.

Сосредоточившись на своих куцых трудах, подчиненные, подобно рабам, закону денег, мы разучились замечать нюансы и чувствовать: перед нами разворачивается мир и каждое утро сообщает нам о себе новым рассказом, эпосом настоящего времени. Поэзия, героизм, свершения присутствуют ежедневно, повсюду и во всем. Высокие помыслы чеканят время. Телеграф позволил нам ощутить пульсацию мира.

Краткий обзор ежедневной газеты:

«Рейх чествует свою новую армию, пока Лондон, Париж и Рим совещаются».

«Возможно, на севере Габона обнаружен самолет г. Ренара (губернатора Экваториальной Африки)».

«Важные международные матчи: Германия разбила Францию».

«Политика убивает туризм».

«У нас будет воздушная „Нормандия“ [11 - «Нормандия» - трансатлантический почтово-пассажирский, турбоэлектрический пароход, спущенный на воду в 1932 году. Предназначался для срочных трансатлантических рейсов по линии Гавр - Плимут - Нью-Йорк. Речь идет о грядущем создании воздушных судов, столь же мощных и вместительных, как одноименный пароход.]».

«Повелитель бурь. Изобретатель придумал атмосферный завод, который якобы будет производить дождь и хорошую погоду».

«Уроки Брюссельской выставки».

В тот день номер еженедельной газеты за понедельник (обычно скучный, потому что собран из «залежей» редакционных ящиков) украшали сорок восемь статей с громкими заголовками.

Тех, кто ежедневно читает три газеты - утреннюю, дневную и вечернюю, - много, это их способ перебирать четки своего бессознательного в автобусе, метро или за семейным столом. В одно ухо входит, из другого выходит; попросту говоря, это утомляет сетчатку глаз и располагает ко сну. Проходят часы,

проходят дни, проходит жизнь. Событие вокруг нас – внутрь мы не входим.

И всё же каждодневно звучит песнь надежды.

2

Деньги

Перед моими окнами раскинулся футбольный стадион «Парк де Пренс». По воскресеньям я терплю вопли, крики, свист, завывание его сорока тысяч зрителей. В южной части стадиона высится табло. На его обширной темной поверхности закрепляют белые буквы с названиями клубов, а против них – счет матча. Табло – это венец стадионов.

В углу табло располагались часы; необходимый инструмент во время матча. Часы отсчитывают время для игроков и для сорока тысяч зрителей; они властвуют над нервами толпы; они поминутно связаны с судьбой игроков.

Вот уже три дня как часы остановились на половине первого.

Администрация, по нынешней бесхозяйственности, не нашла пятнадцати с половиной франков, необходимых для того, чтобы отремонтировать и запустить часы. Поэтому сегодня, когда разыгрывается матч «Франция – Германия», за вход на который администрация получила полмиллиона, часы стоят. Бесхозяйственность, распущенность.

Франция позволила Германии разбить себя. Немцы были решительно настроены победить.

Часы не были исправлены.

Часов больше не существует! Сегодня они закрыты рекламой шоколада; еще две пятых поверхности табло восхваляют достоинства крема для обуви. От табло, венца стадиона, доступными остаются лишь две пятых. Венец стадиона пустили с молотка, чтобы делать деньги. Продали венец, то, что возвышается над

стадионом. Продали свое достоинство, свое положение, свои нравственные принципы – чтобы заработать гроши. И всё это на глазах у сорока тысяч зрителей, которые платят. На глазах у иностранцев, которые приезжают сюда, чтобы принять участие в решающих международных состязаниях, где Франция поднимает свой государственный флаг рядом с флагом страны-соперника. Мерзкое свойство сознания, распущенность, подлость. Франция была в пух и прах разбита Голландией; спортивные газеты называли это катастрофой минувшего воскресенья. Спортивные газеты утверждают, что речь идет о нравственном кризисе; они прекрасно ощущают его, во всем. Они сообщают об этом под крупным заголовком: «Французская команда без души и головы». Цифры на табло были такие грязные, что я даже в бинокль едва мог различить их. Плачевное состояние хозяйства.

Франция проиграла Швейцарии, Италии, Испании [12 - И Чехословакии, 9 февраля 1936 года. – Примеч. авт.].

Табло было продано, впрочем, и весь стадион наполнился рекламой аперитивов, масел или лакрицы.

Я вспоминаю стадионы американских университетов. В США судьба большого спорта находится в руках студентов. Спортивная честь отстаивается одним учебным заведением у другого. Вся страна с невообразимой горячностью принимает в этом участие. Шестьдесят, сто тысяч зрителей присутствуют на славных состязаниях, и всё в чистых и опрятных гигантских бетонных сооружениях говорит об умении держаться, стиле, воодушевлении. О любви и чувстве ответственности. Именно это и предоставит нам, чуть дальше в этой книге, возможность определить и отметить черту характера страны.

Табло, проданное за гуталин! Этот затхлый вонючий запах теперь уже давней большой иллюзии, пришедшей из Америки во времена великого «процветания»: делать деньги, make big money! Во Франции издавали книги, написанные вернувшимися из страны долларов восхищенными путешественниками и названные «Как заработать деньги». Америка едва не рухнула от них. Но пример подействовал: мы – и мы тоже – высасываем из страны последние капли крови.

Базилика Сен-Фрон в Перигё

Старая церковь Сент-Этьен де ла Сите в Перигё не подверглась «капремонту», не была «отреставрирована» органами «Комиссии по охране исторических памятников». Подобную заботу приберегли для базилики Сен-Фрон. Та и другая представляют собой решающие феномены великой романо-византийской архитектуры (заметим, кстати, что никто специально не заботился об интернационализме, когда одного аббата отправили в Венецию для замера собора Святого Марка, чтобы попытаться «сделать такой же» у нас). А сама архитектура собора Святого Марка была подсказана византийским храмом Святой Софии. Мысль не имела ни границ, ни национальности.

Оставленная в нищете церковь Сент-Этьен вызывает восхищение и волнение; оскверненная реставраторами базилика Сен-Фрон погублена навсегда.

Я уверен, что у вещей, как у женщин, нежная кожа.

Базилику Сен-Фрон, сантиметр за сантиметром, отскребли, подправили, «подделали». Искazили все: лжецы, фальсификаторы. По какому праву? Трагическая ошибка! Я точно знаю, что намерения у них были добрые. Увы, увы!

Опасность реставраций. Почему бы не заняться строительством новых соборов? Я хочу сказать, почитая и созерцая подлинные вещи, направить свой ум вперед, а не обращаться столь упорно, столь трусливо, назад!

Раскрашенные гипсовые статуи бога и святых на алтаре, в приделах и на паперти базилики Сен-Фрон являют пример чудовищного упадка.

Тот Бог, которого мы так четко распознаем на Востоке или в Северной Африке, тот богочеловек, которого мы встречаем там в толпе: неистовый, страстный, деятельный (о чем, впрочем, в каждом стихе свидетельствует Его Слово), Иисус превращен в размякшее пирожное.

И Бог штампуются серийно, любых размеров, и продается по любой цене, недорого, чтобы его можно было поставить на этажерки среди мелких домашних безделушек. Идолопоклонство, поощряемое ради наживы.

Ради наживы были фальсифицированы самые возвышенные понятия.

4

Вокзал в Бордо

Я ехал в Пессак, предместье Бордо, чтобы попытаться распутать гадкую интригу, которая в течение шести лет тормозила и стремилась свести на нет щедрую и горячую инициативу Анри Фрюжес [13 - Henri Fruges – французский промышленник, который заказал Ле Корбюзье строительство домов для своих рабочих, за свою идею подвергся бойкоту.].

«Я хочу доказать моей стране, – решил он, – что в архитектуре наступили новые времена и что дерзкими методами, руководствуясь свежими этическими принципами, можно создать жилье, приносящее радость и отвечающее новому сознанию». В Пессаке был построен пятьдесят один дом из железобетона. С применением столь новых методов... что общественное мнение пришло в волнение.

Сперва местные промышленники, потревоженные в своей косности; затем архитекторы – просто-напросто пришедшие в бешенство. Подняли общественность; а общественность можно довести до непостижимого градуса. Если бы Пессак был построен возле Парижа, всего этого никогда бы не случилось, потому что парижан не так-то легко надуть. Короче говоря, мэрия, префектура и компания по водоснабжению и канализации отказались дать в поселок воду! Это длилось шесть лет. Энергично вмешались два министра: сначала господин Анатоль де Монзи [14 - Anatole de Monzi – в 1925–1926 годах министр финансов и министр общественных работ.], а затем господин Луи Лушёр [15 - Louis Loucheur – министр вооружений и военного производства.]. Они даже приехали. Но деревенский мэр могущественней двух министров. Последовали насмешки и письма: пасквилы и серьезные доклады. В результате был сделан вывод, «что особый характер этой архитектуры не дает возможности проживания там и что все жители уехали».

Поселок стоял пустым, да; и пустовал все шесть лет, потому что не было воды. Господин Фрюжес был истерзан. Но его детище, которое восхваляли повсюду за

границей, обсуждалось в журналах и газетах и послужило отправной точкой для обширных проектов, реализованных вне Франции. Муниципальный совет Парижа для наведения справок посылал в Германию комиссии разработчиков, а в это время Пессак зарастал сорняками высотой в метр.

Итак, летом 1930 года, ближе к вечеру, я оказался на вокзале Бордо. Вокзал отвратительный. Ни одного служащего на запруженных толпами народу платформах. Обер-кондуктор с позолоченной цепью не знает времени прибытия парижского поезда. В кабинете начальника вокзала от ответа увиливают, никто не может дать точного ответа. Всё гроыхает, грязь омерзительная. Щербатый пол почернел и провалился, огромные витражи покрыты копотью. В двадцать один час скорый поезд останавливается у четвертой платформы, сплошь заваленной ящиками с овощами, рыбой, фруктами, шапками, кудахчущей и квохчущей птицей, пустыми мешками (все эти детали я записал на месте).

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Tjader Harris, Marguerite (1898/99–1978) – американская писательница и издатель. – Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, приводятся примечания переводчика.

2

Пьер Террайль де Баярд (франц. Pierre Terrail, seigneur de Bayard – Пьер Террай, сеньор де Байяр; 1473–1524) – французский рыцарь и полководец времен Итальянских войн, прозванный «рыцарем без страха и упрека» (Le Chevalier sans peur et sans reproche), подобно герою Столетней войны Арно Гийому де Барбазану (1360–1431).

3

That is the question (англ.) – вот в чем вопрос (цитата из монолога Гамлета в пьесе Шекспира).

4

Top of the Rock (англ.) – вершина горы.

5

MoMA – Музей современного искусства (Museum of Modern Art) в Нью-Йорке.

6

Градостроительный манифест, составленный Ле Корбюзье и принятый Международным конгрессом современной архитектуры (CIAM) в Афинах в 1933 году.

7

Клодиус-Пети, Эжен (1907–1989) – французский политик, одно время министр реконструкции и градостроения.

8

Двор Чудес – в Средние века несколько кварталов в Париже, населенных нищими, ворами, публичными женщинами и поэтами.

9

В первые десятилетия XX века там селились иммигранты.

10

Книга в те времена еще по большому счету не существовала. Эти законы гармонии сложны и тонки. Чтобы понять их смысл, необходимо иметь чувствительную душу. Говорить о них открыто? Это означает подвергнуть их риску фактических ошибок и непонимания; спустя три поколения они станут нелепыми, а творения, созданные по их законам, искривятся. Они могут быть только точными, абсолютно точными. С того дня, когда книга появилась на свет, эти правила могут быть вписаны в нее: безупречные, верные и ясные, на двух страницах. С тех пор как книга превратилась в один из самых драгоценных инструментов познания, тайна законов гармонии не имеет права на существование. – Примеч. авт.

11

«Нормандия» – трансатлантический почтово-пассажирский, турбоэлектрический пароход, спущенный на воду в 1932 году. Предназначался для срочных трансатлантических рейсов по линии Гавр – Плимут – Нью-Йорк. Речь идет о грядущем создании воздушных судов, столь же мощных и вместительных, как одноименный пароход.

12

И Чехословакии, 9 февраля 1936 года. – Примеч. авт.

13

Henri Frugère – французский промышленник, который заказал Ле Корбюзье строительство домов для своих рабочих, за свою идею подвергся бойкоту.

14

Anatole de Monzi – в 1925–1926 годах министр финансов и министр общественных работ.

15

Louis Loucheur – министр вооружений и военного производства.

Купити: https://tellnovel.com/korbyuz-e_le/kogda-sobory-byli-belymi-puteshestvie-v-kray-nereshitel-nyh-lyudey

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)